

НЕЗАВЕРШЕННЫЙ ЭТАП

(К ИСТОРИИ РУССКО-АНГЛИЙСКИХ ПЕРЕГОВОРОВ 1914 г.)

А. В. ИГНАТЬЕВ

Военно-политические переговоры между царской Россией и Англией в феврале — июле 1914 г. принадлежат к числу вопросов, по которым и современники и исследователи высказывали самые разноречивые мнения.

Буржуазные историки прогерманской ориентации видели в них последнее звено в цепи окружения Германии, шаг, подорвавший успехи англо-германского сближения 1912—1913 гг. и оказавший роковое влияние на исход июльского кризиса¹.

Апологеты английской внешней политики вовсе отрицали обязывающее значение переговоров и представляли дело так, словно Англия согласилась на них, чтобы не обидеть Россию и не создать у нее ложного представления, что владычица морей ни при каких условиях не вступит в войну². Царский министр иностранных дел Сазонов в своих мемуарах трактовал русскую инициативу, как ответ на агрессивность Германии, проявившуюся в частности в миссии Лимана фон Сандерса³.

Все исследователи интересующей нас проблемы сталкивались с неполнотой общедоступной документальной базы. Особо следует упрекнуть составителей большой

¹ См., напр., Н. Lutz. *Lord Grey und der Weltkrieg*, Berlin, 1927; R. Owen. *The Russian Imperial Conspiracy, 1892—1914*, N. Y., 1927; E. Willis. *Prince Lichnowsky — Ambassador of Peace. A Study of prewar Diplomacy. 1912—1914*, Berkeley and Los Angeles, 1942.

² Впервые эту концепцию выдвинул участник событий английский министр иностранных дел Э. Грей, изложивший ее в своих воспоминаниях («*Twenty-Five Years, 1892—1916*», v. I, London, 1925). Она многократно повторялась с небольшими изменениями в работах английских историков (см., напр. G. Trevelyan. *Grey of Fallodon*, London, 1938).

³ С. Д. Сазонов. *Воспоминания*, Берлин — Париж, 1927, стр. 153—154.

английской публикации о происхождении войны⁴. Если предварительные шаги к переговорам освещены в ней более или менее удовлетворительно, то о ходе их приведены крайне скудные, отрывочные сведения. Недостаточно мотивировано отношение английского правительства к упрочению связей с Россией. А ведь историки страны, где протекали переговоры, обладали, казалось бы, исключительными возможностями для их разностороннего освещения.

Наиболее богатый материал по русско-английским переговорам дала советская публикация «Международные отношения в эпоху империализма». Ее издатели руководствовались не интересами оправдания империалистической политики царской России, а стремлением разоблачить тайную дипломатию всех капиталистических держав. Советская публикация позволила проследить ход переговоров до конца июня.

В буржуазной науке только немецкие историки специально обращались к последним мероприятиям по укреплению русско-английского согласия. Назовем статьи Баха⁵ и Ротфелса⁶, из которых первая представляла в свое время интерес как сравнительно полная сводка фактических данных по разбираемому вопросу, вторая же внесла нечто новое лишь в область оценок давно известного материала. В обеих статьях с большей или меньшей яркостью проявилась тенденция путем одностороннего освещения событий подвести читателя к мысли о ведущей роли Антанты в подготовке мировой войны. Как Бах, так и Ротфелс почти не выходили за рамки чисто дипломатической истории.

С принципиально иных позиций подошли к вопросу советские историки.

В советской исторической науке заслуга постановки вопроса о русско-английских переговорах 1914 г. принадлежит М. Н. Покровскому. Он попутно затрагивал эту тему в целом ряде статей, написанных в 1919—1930 гг. Но в трактовке ее Покровский, наряду с правильными положениями, допустил ряд серьезных ошибок. Он, как известно, считал Антанту главным инициатором развязывания войны в 1914 г. Исходя из этой ложной посылки, Покровский представлял русско-английские переговоры как последние спешные шаги Антанты в подготовке к запланированной на ближайшие месяцы войне.

Статья А. Ловягина «Англо-русская морская конвенция»⁷ была написана в духе взглядов Покровского. Заслуга Ловягина заключается, пожалуй, лишь в систематическом изложении фактического материала.

Лучшим из всего написанного об англо-русских переговорах 1914 г. является статья Г. М. Деренковского, опубликованная в 1947 г.⁸ Работа Деренковского представляет собой марксистское исследование, основанное на серьезном изучении не только опубликованных, но и архивных источников. На общем фоне международных отношений предвоенных лет автор прослеживает связь между франко-русской и англо-французскими морскими конвенциями и русско-английскими переговорами 1914 г. Деренковский подробно рассматривает как предысторию, так и самый ход русско-английских переговоров вплоть до перерыва их в середине июня. Он, как и предыдущие исследователи, указывает на обострение англо-русского соперничества в Азии как на важнейшую причину, помешавшую своевременно завершить переговоры. При всей своей ценности эта работа имеет некоторые недостатки. В ней не раскрыты с нужной полнотой причины стремления царизма заключить морское и политическое соглашения с Англией. Не показан заключительный этап переговоров.

Статья Г. М. Деренковского является последним из вышедших до сих пор исследований о русско-английских переговорах 1914 г. В новейших общих работах по истории международных отношений не делается какого-либо шага вперед по сравнению с отмеченными статьями.

Из сказанного видно, что в изучении этого вопроса по сей день существуют

⁴ «British Documents on the Origins of the War, 1898—1914», L. 1926—1938.

⁵ A. Bach. Die englisch-russischen Verhandlungen von 1914 über Abschluß einer Marinekonvention Preussischen Jahrbücher, B., 197, Juli bis September, 1924.

⁶ H. Rothfels. Die englisch-russischen Verhandlungen von 1914 über eine Marinekonvention. Berliner Monatshefte. 12 Jahrg., № 5, Mai, 1934.

⁷ А. Л о в я г и н. Англо-русская морская конвенция. (К материалам по истории подготовки России к мировой войне на море). «Морской сборник», 1929, № 2.

⁸ Г. М. Д е р е н к о в с к и й. Франко-русская морская конвенция 1912 года и англо-русские переговоры. «Исторические записки», т. 29.

серьезные пробелы. В данном сообщении делается попытка отчасти восполнить их с помощью некоторых новых архивных документов. Автор ставит своей целью: а) обобщить причины, побудившие царскую Россию в начале 1914 г. искать союз с Англией, а затем, когда это не удалось, иных форм сближения; б) показать, как военнополитические переговоры России и Англии переплелись с урегулированием их противоречий в зависимых странах; в) осветить ранее неизвестный заключительный этап переговоров. В остальных случаях автор, стремясь избежать повторения, отсылает читателя к упоминавшимся выше статьям.

В начале 1914 г. царская дипломатия выдвигает предложение превратить Тройственное согласие в открытый оборонительный союз. Инициатива России в этом вопросе знаменовала собой новый этап в ее политике по отношению к Англии. Прежде царское правительство проявляло во взаимоотношениях с британским партнером большую осторожность. Готовясь к войне и преследуя в ней свои империалистические цели, оно в то же время опасалось оказаться втянутым в нее преждевременно, а потому уклонялось от формальных обязательств общеполитического и военного характера⁹. Теперь положение изменилось.

Объяснение этому нужно искать в факторах как внутривосточного, так и международного положения России. Из событий 1905—1907 гг. более дальновидные представители правящего класса сделали вывод, что нельзя рисковать войной пока не будет достигнуто успокоение внутри страны. Однако столыпинщина не привела к «замирению». Едва царизм стал оправляться от военно-политической немощи и подумывать о возобновлении активной внешней политики, как в стране начался новый революционный подъем.

Но Россия не могла длительное время оставаться пассивной в международных отношениях. Для XX в. в большой мере справедливыми оставались слова Энгельса: «Чтобы самодержавно властвовать внутри страны, царизм во внешних сношениях должен был не только быть непобедимым, но и непрерывно одерживать победы...»¹⁰. Господствующие классы России с раздражением воспринимали каждое новое «отступление» самодержавия в европейских конфликтах 1912—1913 гг. Остановить революционный подъем в стране не удавалось, и поэтому все больший вес приобретало мнение военной партии о том, что только война поможет радикально решить этот вопрос.

Была и другая сила, заставлявшая царизм задуматься над перспективами продолжения внешнеполитической тактики последних лет. Эту силу представляли «союзная Франция» и «дружественная Англия». В Петербурге знали, что оба партнера не одобряют нерешительности, проявленной Россией в минувших осложнениях. Существовало опасение, что они могут разочароваться в России и пойти на сговор с германским империализмом за ее счет¹¹. В отношении Англии беспокойство поддерживалось почти непрерывными англо-германскими переговорами по морским и колониальным вопросам.

С точки зрения военной подготовки 1912—1913 гг. принесли царской России некоторые успехи, значение которых военная партия склонна была преувеличивать. Но преодолеть общую отсталость вооруженных сил страны не удалось. В 1913 и 1914 гг. были приняты «большие программы» усиления армии и флота. Их реализация способствовала бы известному изменению соотношения сил. Но на это требовались годы, и никакой гарантии, что потенциальные противники не сделают новых шагов в гонке вооружений, разумеется, не было.

⁹ Сказанному не противоречит тот факт, что в общих чертах политика двух партнеров и их подготовка к войне согласовывались со времени возникновения Тройственного согласия.

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. II, стр. 29.

¹¹ В докладной записке от 23.XII.1913 г. Сазонов, обосновывая необходимость твердого курса в вопросе о миссии Сандерса, писал, что в случае очередного отступления России «во Франции и Англии укрепится опасное убеждение, что Россия готова на какие угодно уступки ради сохранения мира. Раз такое убеждение укрепится в наших друзьях и союзниках, без того не очень сплоченное единство Держав Тройственного Соглашения может быть окончательно расшатано и каждый из них будет стремиться искать иных обеспечений своих интересов в соглашениях с Державами противоположного лагеря» (ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 1835, лл. 93—94; см. также «Константинополь и прорывы. По секретным документам бывш. Министерства иностранных дел», т. I, М., 1925, стр. 63).

Влияние революционного подъема сказывалось на армии и флоте, где в 1912—1913 гг. наблюдались случаи волнений и подготовки антиправительственных выступлений.

Изложенное позволяет понять двойственность положения царского правительства на рубеже 1913—1914 гг. С одной стороны, предпочтительно было оттянуть войну на несколько лет и за это время попытаться расправиться с революционным движением и завершить большие программы вооружений. С другой стороны, новое «отступление» в случае внешнеполитических осложнений представлялось нежелательным и даже опасным для царизма.

А международная обстановка оставалась напряженной. Германский империализм, ранее соперников завершивший подготовку к войне, взял курс на развязывание конфликта в ближайшее время. Державы Тройственного союза вели переговоры по уточнению взаимных военных обязательств. Германская провокация в Константинополе способствовала обострению отношений между двумя группировками и в первую очередь между Россией и Германией. Балканский полуостров благодаря вмешательству «великих держав» превратился в пороховой погреб Европы. Один акт в гонке вооружений следовал за другим.

При таких обстоятельствах у царского правительства и родилась идея превращения Антанты в союз. По замыслу царской дипломатии, этот шаг должен был оказать сдерживающее влияние на Германию, а в случае, если конфликт все-таки возникнет, обеспечить России и Франции с самого начала всемерную поддержку Англии. В мирных условиях рост сплоченности придавал бы большую силу действиям англо-франко-русской группировки.

В то же время принятый курс свидетельствовал о склонности царизма проводить впредь более решительную политику, не останавливаясь и перед войной. Этому соответствовали перемены в правительстве, где осторожный Кокковцев уступил место более близкому к военной партии Горемыкину. Представители этой группировки склонны были добиваться от партнеров более определенных гарантий военной поддержки и энергичных усилий в гонке вооружений. В отношении Англии подобная настойчивость стимулировалась внутренними затруднениями правительства либералов — подъемом рабочего движения и ирландским кризисом.

Небезынтересно отметить, что идея превращения Антанты в союз не была порождением лишь дипломатического ведомства¹². Еще ранее ее сформулировали руководители Генерального штаба. В известной докладной записке Сазонова от 23 ноября 1913 г., положившей начало обмену мнениями между царскими сановниками по вопросам подготовки к войне и обеспечения интересов России на проливах, отмечалось, что общеевропейские осложнения, по-видимому, застали бы Россию «в союзе с Францией и возможно, но далеко не обеспеченном, союзе с Англией или же доброжелательном нейтралитете этой последней»¹³. Такой прогноз отнюдь не удовлетворил кузницу военных планов. В ответной записке по линии Генерального штаба от 19 декабря 1913 г. за подписью генерал-квартирмейстера Данилова наряду с другими моментами выдвигался целый ряд пожеланий в адрес дипломатии. Среди них на первом месте стояло: «Закрепить Тройственное согласие, при помощи коего могли бы быть скованы сухопутные силы Германии и флоты держав Тройственного союза в Балтийском и Средиземном морях»¹⁴. В черновых вариантах записки эта мысль была сформулирована более категорично: «Тройственное согласие перевести на положение Тройственного союза»¹⁵.

Обратимся теперь к позиции английского правительства. Руководители Форин-Оффис также были заинтересованы в дальнейшем упрочении военно-политических связей с Россией. Они имели к тому серьезные основания — рост военной мощи партнера, активизацию германофильской партии в правящих кругах России, перспективу

¹² Роль Сазонова в формулировании идеи превращения Тройственного согласия в союз хорошо известна. См. «Международные отношения в эпоху империализма», с. III, т. I, № 232, 289, 328 и др. (далее МО).

¹³ ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 1835, л. 8; см. также «Красный архив», т. 6, 1924, стр. 75.

¹⁴ ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 1835, л. 35.

¹⁵ Там же, лл. 20 и 28.

русско-германского сближения в случае разочарования царизма в эффективности английской дружбы и — как следствие — возрождение угрозы целостности Британской империи¹⁶.

В то же время ряд обстоятельств позволял Англии сдержанней чем прежде отнестись к расширению и закреплению военно-политической договоренности с царизмом. Опыт международных осложнений 1908—1913 гг. подсказал английской дипломатии путь к вовлечению царской России в войну. Развитие франко-русских военных обязательств в 1912—1913 гг. в основном обеспечивало использование вооруженных сил России в соответствии с интересами ее партнеров. Что же касается возможности согласования военных усилий России и Англии на море, то руководители английской политики скептически оценивали силу русского флота и перспективы сотрудничества с ним на ближайшее время¹⁷. В длительную же отсрочку войны в Лондоне не верили, да и не желали ее. Сказанное объясняет, почему империалистическая Англия могла на сей раз предоставить инициативу царизму и даже потребовать от него уступок за свое согласие.

На пути дальнейшего сближения царизма и Англии стояли трудности двоякого рода. Существовало серьезное расхождение в отношении формы, в которую должен был вылиться новый шаг по консолидации Антанты. Царская дипломатия по известным нам причинам предпочитала открытый оборонительный союз. Но для либерального правительства Англии, с трудом лавировавшего во внутривнутриполитических делах, вовлечение страны в союз с непопулярной в массах империей Романовых было едва ли посильной задачей. Кроме того, подобный акт сорвал бы большую игру либерально-империалистической дипломатии, имевшую целью ввести Германию в заблуждение относительно позиции Англии в надвигавшемся конфликте. По этим причинам Форин Оффис импонировали секретные условные соглашения типа англо-французских.

Еще более серьезные трудности создавало обострение русско-английских противоречий в зависимых странах. «Оставаясь, — как отмечено в резолюции Пражской конференции РСДРП(б), — бессильным на почве мировой конкуренции современных капиталистических государств и будучи оттесняем все более на задний план в Европе»¹⁸, царизм пытался удовлетворить свои хищнические интересы иными средствами. Одним из них была активизация колонизаторской политики в Персии и Китае.

Англия со своей стороны также стремилась к расширению влияния в этих странах. Мировая экономическая конъюнктура способствовала общему обострению конкурентной борьбы. В связи с переходом королевского флота на жидкое топливо английский империализм намеревался превратить Персию в свою важнейшую нефтяную базу. В Китае, где Англию потеснил японский соперник и где царизм распространил влияние на Внешнюю Монголию, английский империализм рассчитывал взять реванш, установив протекторат над Тибетом.

Царская дипломатия надеялась, что заинтересованность обеих держав в сближении по военно-политической линии поможет сгладить их противоречия в зависимых странах на базе взаимных уступок.

По-иному подходила к делу английская сторона. На предложение посла в Петербурге Бьюкенена обсудить с Россией весь комплекс вопросов с целью достичь общего улучшения отношений, английский министр Грей отвечал: «в отношении Персии мы хотим получить практически всю нейтральную зону и не можем ничего уступить там России; в отношении Афганистана мы не можем сделать каких-либо уступок России, так как мы не в состоянии получить согласия эмира; в отношении Тибета изменение, которого мы добиваемся, на которое необходимо согласие России, очень мало, и мы не можем ничего дать взамен. Таким образом, по всей линии мы хотим что-либо получить и не можем ничего дать. Вот почему трудно найти путь к совершению выгодной сделки»¹⁹.

Настойчивое стремление царской России упрочить военно-политические связи с Англией помогло Форин Оффис найти выход: дипломатия державы колониального империализма превратила дальнейшее укрепление Соглашения в предмет торговли.

¹⁶ «British Documents...», v. X, p. II, № 534—538.

¹⁷ Там же, № 540, 541.

¹⁸ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», изд. 7, ч. 1, М., 1954, стр. 272.

¹⁹ «British Documents...», v. X, p. II, № 535, p. 777.

В феврале царизм стал прощупывать почву в отношении союза. Скоро выяснилось, что на союз Англия не идет, а сближение в иных формах обуславливает пересмотром прежних соглашений по азиатским делам.

Бенкендорф, обладавший способностью быстро схватывать английскую точку зрения и отстаивать ее перед Петербургом с упорством, достойным лучшего применения, в письме к Сазонову от 25 (12) февраля делал следующий вывод: «Но почва еще требует подготовки: говоря откровенно, у нас имеются соглашения, но если мы желаем добиться серьезных результатов, то нам придется их пересмотреть». Посол пояснял, что речь идет о расширении английской сферы влияния в Персии и предоставлении Великобритании свободы действий в Тибете²⁰.

Встретившись с оппозицией предложению о союзе, царская дипломатия проявила настойчивость в поисках иных форм сближения. В феврале по инициативе России было учреждено совещание представителей стран Согласия в Лондоне по незавершенным вопросам балканского урегулирования²¹.

Проникшие в печать сведения о февральском соглашении были восприняты общественным мнением разных стран как свидетельство упрочения Согласия под эгидой Англии. Это в общем соответствовало действительности. Совещание трех помогало согласовывать действия партнеров Антанты в сложных вопросах мирного урегулирования на Балканах. Но февральское соглашение не могло, разумеется, удовлетворить царскую дипломатию, добывавшуюся дальнейшего укрепления Согласия.

В марте — апреле при активном содействии Франции был выдвинут новый вариант закрепления русско-английских связей. На этот раз речь шла о заключении секретных морской конвенции и условного соглашения²² по типу англо-французских. Такая форма представляла для империалистов Англии то преимущество, что позволяла скрыть от народа и парламента политику подготовки войны. Английская дипломатия сохраняла возможность заигрывать с Германией. Согласие царизма на секретные условные соглашения говорило не только об определенной слабости его в системе Антанты, но и о том, что возобладали сторонники крайне авантюристического внешнеполитического курса.

Задуманные соглашения с Англией имели для России двойное значение — общеполитическое, о котором говорилось выше, и специально военное. В военном аспекте Россия была заинтересована прежде всего в поддержке английского флота. Важность сотрудничества с Англией для обороны морских рубежей страны получила в России надлежащее признание задолго до 1914 г. В записке начальника Морского генштаба Ливена «Политическое положение России перед войной», составленной в 1910—1912 гг., отмечалось: «Без нее (Англии.— А. И.) осуществление морской обороны было бы для нас предприятием безнадежным, но в расчете на согласованные с этой державой действия мы можем рассчитывать на постепенное улучшение нашего положения и в конце концов даже на полную безопасность»²³. Во время морских совещаний России с Францией летом 1912 г. участники признали необходимым привлечь к сотрудничеству английский флот²⁴. Но практические шаги России в этом направлении ограничились зондирующими разговорами Сазонова.

Кроме известной нам общеполитической стороны дела, здесь играла роль слабость русского Балтийского флота. Трудно было с пользой договариваться о сотрудничестве на море, не имея за собой сколько-нибудь серьезной морской силы. В объяснительной записке к так и не осуществленной судостроительной программе 1911—1915 гг. говорилось в этой связи: «Лишь наличие оперативно-способной эскадры на Балтике придаст реальное значение какому-либо соглашению России с Англией и увеличит таковое в отношениях с Францией»²⁵. Подобную мысль можно встретить и в других руководящих документах Морского ведомства.

²⁰ МО, с. III, т. I, № 328, стр. 436.

²¹ Там же, № 241, 273, 290, 298, 327.

²² У некоторых авторов выпадает из поля зрения то обстоятельство, что в дополнение к военно-морской конвенции предполагалось заключить условно-консультативное политическое соглашение типа писем Грея — Камбона от ноября 1912 г.

²³ ЦГАВМФ, ф. 418, оп. 5, д. 633, л. 7.

²⁴ МО, с. II, т. XX, ч. I, № 301.

²⁵ М. А. Петров. Подготовка России к мировой войне на море, М.—Л., 1926, стр. 143.

В 1914 г. русский Балтийский флот усиливался эскадрой линейных кораблей, и, что еще более важно, большая судостроительная программа должна была по ее завершении (в 1917 г.) поднять русский флот примерно до уровня французского, оставив позади итальянский, австрийский и японский флоты²⁶. Указанные обстоятельства позволяли вступить в морские переговоры с Англией и оказали влияние на пожелания в отношении английской поддержки.

Потенциальное превращение России в крупную морскую державу, способную силами флота решать стратегические задачи, побудило царский Морской генштаб разработать новый перспективный военный план. Не останавливаясь на истории его создания в деталях, отметим, что основной идеей плана было сосредоточение главных сил русского флота в Средиземном и Черном морях и овладение проливами ударом с двух сторон, сопровождаемым высадкой десанта. Эту операцию предполагалось осуществить в самом начале общей войны, когда еще будет идти борьба России против Германии и борьба или враждебное сосредоточение английского и германского флотов. Выбор момента откровенно объяснялся тем, что на пути России к проливам стоят два главных врага — Германия и... союзная Англия²⁷. После овладения проливами соединенный русский флот должен был прикрывать завоеванное от ударов остатков английского или германского флотов. Необходимой предпосылкой плана являлось господство русского флота на Черном и русско-французского на Средиземном морях, для чего главные силы русского Балтийского флота надлежало перевести в Средиземное море.

Если обратиться к инструкциям, данным русскому представителю на переговорах 1914 г. с Англией, то можно проследить явное влияние новых замыслов Морского ведомства. В переговорах с англичанами о сотрудничестве флотов приходилось учитывать два варианта: а) если война начнется по завершении большой морской программы, что позволит осуществлять новый план; б) если конфликт вспыхнет ранее серьезного усиления русского флота. На северном театре в обоих случаях необходимо было, чтобы Англия оттянула на себя возможно большую часть германского флота; ведь вновь построенные на Балтике корабли подлежали переброске в Средиземноморье. На южном театре требовалось, чтобы Англия на ближайшее время обеспечивала морское преобладание Тройственного соглашения, не позволяя австро-итальянскому флоту проникнуть в Черное море. При этом условия царская Россия имела некоторые шансы захватить проливы ударом с севера. В будущем (по завершении судостроительной программы и после переброски сил с Балтики) предусматривалось наступление такого момента, когда на южном театре можно будет обойтись без Англии²⁸.

Для действий против проливов важно было располагать морскими базами. Поэтому закономерно следующая установка инструкции: «Было бы также желательным получить согласие Англии на то, чтобы наши суда могли пользоваться в качестве базы английскими портами в восточной части Средиземного моря, подобно тому как Франция в силу морской конвенции предоставила нам право базироваться на ее порты в западной части этого моря»²⁹. Сознывая, однако, что ссылка на конвенцию с Францией вряд ли удовлетворит подозрительного партнера, участники совещания признали возможным в крайнем случае приоткрыть карты, но отнюдь не выдавать всего замысла: «Если бы в связи с положением в Средиземном море зашла речь о проливах, то надлежало бы, не касаясь политического вопроса о Босфоре и Дарданеллах, предусмотреть лишь временные военные меры в проливах, как одну из возможных стратегических операций наших в случае войны»³⁰.

Чтобы побудить Англию к активным операциям против германского флота на севере была выдвинута идея десанта в Померании, осуществляемого силами русской армии и королевского флота. При разработке планов войны русская стратегическая

²⁶ См. таблицу в книге Х. Вильсона. Морские операции в мировой войне 1914—1918 гг., М., 1935, стр. 16 (пер. с англ.).

²⁷ О действиях Англии проект плана содержал следующий прогноз: «Пока Германия не разгромлена или, по крайней мере, не разгромлен флот, Англия не сможет активно вмешаться в наши восточные дела и в наши дела на Балканском полуострове; не сможет силой остановить нас в нашем стремлении овладеть Проливами и Константинополем. Как только же разгром германского флота станет совершившимся фактом.— она это непременно сделает» (ЦГАВМФ, ф. 418, оп. 5, д. 377, л. 606).

²⁸ МО, с. III, т. III, № 86, стр. 99.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

мысль не обращалась к померанскому десанту, для осуществления которого сама Россия не имела необходимых средств. Но были основания предполагать, что западные партнеры, и в частности Англия, с интересом отнесутся к возможности в критический начальный момент войны нанести удар по тылам Германии. Налицо была попытка поднять в глазах Англии ценность соглашения с Россией, компенсируя слабость русского флота привлечением армии.

Согласование взглядов морских ведомств России и Англии само по себе представлялось нелегким делом. Английская сторона еще более усложнила переговоры, связав их с урегулированием противоречий в зависимых странах.

Незадолго до парижского визита английской королевской четы³¹, французский посол в Лондоне Камбон и Грей предварительно обменялись мнениями об укреплении Антанты. Точка зрения английской дипломатии, сообщенная России Францией, заключалась в том, что «дальнейшее развитие и скрепление уз, связывающих три державы, могло бы осуществиться лишь после новых предварительных обменов взглядов Англии отдельно с Францией и Россией по вопросам, непосредственно касающимся ее к ним отношений, так как само возникновение Тройственного согласия явилось результатом особых соглашений, основанных на взаимных интересах Англии с каждой из этих держав...»³². Как видим, Англия ставила условием укрепления связей с Францией и Россией пересмотр соглашений с ними о разделе сфер влияния. Из приведенного сообщения ясно также, что английская дипломатия держала курс на отдельные переговоры с каждым из своих партнеров.

В ходе парижских переговоров Грей и король в принципе согласились на заключение с Россией морской конвенции и политического соглашения условного характера. Еще раньше, чем об этом официально сообщили русскому партнеру, английская дипломатия пустила пробный шар. В памятной записке от 27 (14) апреля Форин Оффис выступило против настояний России в отношении численности и прав казачьей бригады в Персии и развернуло целую программу своих требований в персидском вопросе. Выступление Англии вызвало нервную реакцию царской дипломатии³³. Но передача ответного документа была задержана — обострять отношения в момент, когда решалась судьба нового проекта военно-политического сближения, представлялось невыгодным.

Однако английская дипломатия могла с большим успехом использовать оружие проволок и комбинировать их с выдвиганием новых требований. Лишь 7 мая Грей ознакомил Бенкендорфа с результатами парижской поездки. А на следующий день Бьюкенен передал в Петербурге памятную записку по тибетскому вопросу. Проект новой конвенции о Тибете предусматривал установление там английского протектората и, по признанию самих англичан, в двух пунктах противоречил русско-английскому соглашению 1907 г. Тем не менее, английская дипломатия не собиралась делать каких-либо ответных уступок русскому партнеру³⁴. Это очень походило на вымогательство в связи с предстоявшими в Лондоне важными решениями.

19 мая Грей и Камбон передали царскому послу копии писем, которыми они обменялись в ноябре 1912 г. Грей сообщил о согласии английского правительства на переговоры между русским и британским адмиралтействами и на заключение соглашения в духе писем Грей — Камбон³⁵. Хотя в течение всей беседы не было сказано ни слова о других делах, у Бенкендорфа сложилось мнение, что «это скорей подчеркивает, чем уменьшает значение переговоров, начатых Бьюкененом о Тибете»³⁶. Действительно, не прошло и нескольких дней как Англия, не дожидаясь согласия царского правительства на требуемые изменения соглашения 1907 г., подписала новую конвенцию с Китаем и Тибетом³⁷. Налицо было явное намерение Англии поставить Россию перед совершившимся фактом и тем сделать ее более уступчивой.

Царская дипломатия видела необходимость ввиду предстоящих более важных переговоров как-то урегулировать этот вопрос. К моменту начала обмена мнениями

³¹ Визит состоялся 21—24 апреля.

³² МО, с. III, т. II, № 263, стр. 349.

³³ Там же, № 289, стр. 393—394.

³⁴ Там же, № 399, стр. 525.

³⁵ Там же, т. III, № 30.

³⁶ Там же, № 39, стр. 48.

³⁷ Там же, № 48.

русского морского агента Волкова с английским адмиралтейством наметилась известная основа для компромисса в тибетских делах. Но другой и более важный вопрос русско-английских отношений стал ко времени лондонских переговоров во весь рост.

28(15) мая Бенкендорфу послали инструкции объясниться с руководителями Форин Оффис по поводу попыток английской дипломатии противодействовать распространению влияния России в Исфаганской провинции («русская зона») ³⁸.

Вскоре поверенный в делах царского правительства в Лондоне Эттер имел серьезное объяснение с Греем по персидским делам. Собственно, говорил почти один Грей и притом в резком тоне. Министр заявил, что действия русской стороны в Северной Персии затрагивают целостность страны и едва ли совместимы с буквой соглашения 1907 г. Грей закончил угрозой возможного разрыва Соглашения ³⁹.

Не удивительно, что Волкова, вернувшегося в Лондон с полномочиями на ведение переговоров, встретили холодно. Началось с того, что несколько дней прошли бесплодно в ожидании возвращения в Лондон руководителей Дипломатического и Морского ведомств, не пожелавших прервать отдыха. 5 или 6 июня Волкову удалось добиться свидания с первым морским лордом Англии принцем Луи Баттенбергским, который должен был представлять английскую сторону на переговорах. Результаты этого свидания озадачили морского агента. Правда, принц Баттенбергский сочувственно отнесся к идее переговоров, но сообщил Волкову, что вести их намерен в России, куда отправится в августе под видом семейного визита. Перед отъездом принц предполагал вызвать Волкова для предварительного обмена мнениями ⁴⁰. Речь шла об отсрочке переговоров чуть ли не до августа. Теперь забеспокоился и оптимистически настроенный Бенкендорф. Старый дипломат сразу почувствовал, откуда дует ветер. 9 июня (27 мая) он телеграфировал Сазонову, что персидские осложнения могут «создать самые серьезные препятствия к разрешению текущих общеполитических вопросов, именно поручения, которое дано капитану Волкову» ⁴¹.

Разоблачение переговоров в немецкой печати и созданные им трудности послужили английской дипломатии дополнительным поводом для затягивания дела. Тем временем она сформулировала ряд новых претензий в персидском вопросе. В меморандуме, переданном Бенкендорфу 10 июня (28 мая) английское Министерство иностранных дел прямо выдвигало требование пересмотра соглашения 1907 г. в пользу Англии ⁴².

Английский король Георг V в беседах с Бенкендорфом подчеркнул, что ему не нравится положение на международной арене, которое надо более, чем когда бы то ни было, принять во внимание. «Возможно ли, что Персия послужит препятствием?» — воскликнул он ⁴³. К угрозе разрыва Соглашения английская сторона присоединила спекуляцию на обострившейся международной обстановке. Был использован, наконец, и визит английской эскадры в Россию, состоявшийся в двадцатых числах июня. С одной стороны, он являлся как бы заявкой на возможность военно-морского сотрудничества. Царский министр Григорович записал по этому поводу в своем дневнике-воспоминаниях: «Цель посещения, по моему мнению, демонстрация по отношению к Германии и ознакомление с водами Балтики, где, может быть, скоро начнутся военные действия» ⁴⁴.

Но тот же адмирал Битти привез с собою письмо Георга V к Николаю II, где сохранение дружеских отношений между Россией и Англией в интересах мира в Европе ставилось в связь с персидскими делами ⁴⁵. Это была оборотная сторона медали и довольно прозрачный намек: хотите военно-политического сотрудничества — уступайте в Персии. Почти одновременно Англия сделала очередной наступательный шаг на позиции России в Персии. Адмиралтейство заключило контракт с Англо-Персидской нефтяной компанией о поставках топлива для английского флота. Концессионные права компании распространялись, помимо «английской зоны», на «нейтральную» и частично «русскую» зоны. Немудрено, что расширение деятельности компании при активной поддержке государства вызвало беспокойство в царской России ⁴⁶.

³⁸ МО, с. III, т. III, № 107.

³⁹ Там же, № 158, 159.

⁴⁰ Там же, № 175.

⁴¹ Там же, № 188, стр. 228.

⁴² Там же, № 197.

⁴³ Там же, № 291, стр. 345; № 307.

⁴⁴ ЦГАВМФ, ф. 701, оп. 1, д. 71, л. 45.

⁴⁵ МО, с. III, т. III, № 272.

⁴⁶ Там же, № 348.

Сильный нажим партнера заставил царское правительство, скрепя сердце, идти на уступки. 10 июня (28 мая) Сазонов признал тибетско-афганские предложения Англии в общем приемлемыми⁴⁷. Больше упорство проявляла царская дипломатия в защите позиций русского империализма в Персии. В мелодраматическом письме к Бенкендорфу от 24(11) июня Сазонов жаловался на то, что англичане, не удовлетворяясь полученными уступками, выдвигают все новые требования, а сами тянут с заключением морской конвенции. Министр мирился с мыслью, что задача укрепления согласия с Англией «предполагает некоторые жертвы», но высказывал опасение, как бы англичане не потребовали от России «слишком больших жертв». Дальнейшая линия поведения царской дипломатии намечалась в заключительных строках письма, где Сазонов обещал «остаться верным до последних пределов возможного» решению развивать и укреплять связи с Англией⁴⁸. Это было тем более важно, что державы противоположной группировки явно готовились к новым выступлениям. В мае состоялась встреча начальников генштабов Германии и Австро-Венгрии. В июне последовало известное свидание в Конопиште.

Г. М. Деренковский неправ, считая, что Волкову «так и не удалось возобновить переговоры с британским адмиралтейством», и что «решено было перенести ведение переговоров о морской конвенции из Лондона в Петербург»⁴⁹. На самом деле царское правительство сумело в конце июня — начале июля добиться возобновления переговоров. Для этого потребовались упорные настояния Сазонова и Бенкендорфа, вмешательство царя и новые уступки в персидском вопросе.

В частном письме Грею от 25 июня английский посол в Петербурге суммировал свои впечатления от бесед с царем и Сазоновым следующим образом: «Я заключаю из того, что сказал Сазонов, что на его позицию в отношении Тибета и Персии может оказать влияние наша позиция в военно-морском вопросе». На этом письме Грей 29 июня пометил: «Я полагаю, что в настоящее время переговоры в Адмиралтействе ведутся»⁵⁰.

Отрывочность и скудность данных о последнем этапе переговоров объясняется дополнительными мерами предосторожности, принятыми после разоблачений в немецкой прессе.

Первым результатом возобновления переговоров явилось сообщение принцем Баттенбергским Волкову сведений о предполагаемых действиях английского флота и об англо-французском морском сотрудничестве ввиду надвигавшейся войны. Соответствующий документ под названием «Перечень сведений, полученных Волковым при разговоре с первым морским лордом принцем Баттенбергским» был доложен Николаю II 6 июля (23 июня ст. стиля). Пересылка из Лондона занимала в то время несколько дней, из чего можно заключить, что сообщение сведений относится к самому началу июля. «Перечень» начинался с прогноза английского Морского генштаба о позиции Греции и Испании в войне: выражалась уверенность, что их удастся привлечь на сторону Антанты. Далее следовало изложение главных задач морских сил Англии и Франции на Средиземном и Северном морях в начальный период войны и предполагаемых действий флота противника на этих театрах. Документ содержал также некоторые данные о средиземноморских базах Англии и Италии. В заключение сообщалось, что в случае войны английские суда могут пользоваться всеми французскими портами и наоборот⁵¹.

Как видим, Волков не получил текста англо-французских морских конвенций⁵². Старшие партнеры, очевидно, не считали нужным знакомить Россию с деталями своих военных соглашений⁵³. Предлогом же могло послужить неучастие Франции в переговорах.

Сказанное не умаляет значения сообщенных Волкову сведений. Вместе с ранее

⁴⁷ МО, с. III, т. III, № 194.

⁴⁸ Там же, № 343.

⁴⁹ Г. М. Деренковский. Франко-русская морская конвенция 1912 года и англо-русские переговоры. «Исторические записки», т. 29, стр. 117, 119.

⁵⁰ «British Documents...», v. X, p. II, № 556, p. 812.

⁵¹ ЦГАВМФ, ф. 418, оп. 1, д. 24728, л. 2.

⁵² Подробно об этих конвенциях см. A. Laurens. Précis d'histoire de la Guerre navale 1914—1918, Paris, 1929.

⁵³ Этой линии они придерживались с самого начала переговоров. См. «Documents Diplomatiques Français 3-me série», t. X, № 250.

полученной от Англии и Франции информацией они давали ясную, хотя и слишком общую, картину предполагаемого сотрудничества Англии и Франции на море. Сообщение принца Баттенбергского содержало также ряд важных военно-политических прогнозов, основанных на разносторонней информации английского Адмиралтейства. Вместе с тем в нем сквозила мысль о невозможности для английского флота предпринять активные операции против Германии на начальном этапе войны вследствие занятости флота другими операциями.

Следующий документ о последнем этапе переговоров — записка морского министра Черчилля Грею от 7 июля. Черчилль сообщал, что одно совещание в Адмиралтействе прошло, и вскоре будет иметь место другое. Он жаловался на трудности ведения переговоров с Волковым, которому то и дело приходится обращаться за инструкциями в Петербург, и высказывался за переговоры равных по положению лиц⁵⁴. Но принять это предложение Черчилля означало отсрочить их проведение, на что теперь не могла согласиться и английская дипломатия. Как раз в это время появился новый могущественный фактор, оказавший влияние на ход переговоров, — июльский кризис.

Отношение Англии к военно-политическим переговорам с Россией становилось важным показателем готовности ее поддержать партнера в случае войны.

Для царизма своевременное вступление Англии в войну представлялось столь важным, что все другие проблемы, включая разногласия по конкретным вопросам военно-морского сотрудничества и противоречия с Англией в зависимых странах, пока отходили на второй план. Июльский кризис значительно увеличил общеполитическое значение русско-английских переговоров для обоих партнеров и поэтому способствовал ускорению их хода.

К сожалению, проследить, как шаг за шагом развивались переговоры в последние предвоенные недели, пока не представляется возможным. 23(10) июля Волков прислал начальнику Морского генерального штаба шифрованную телеграмму следующего содержания: «Английский посол в Петербурге просил Английское адмиралтейство скорее выслать предварительный текст условного соглашения с Россией, дабы дать возможность отправляющемуся в отпуск министру иностранных дел Сазонову ознакомиться с ним, так как к приезду Баттенбергского в августе министра не будет в Петербурге. Баттенбергский передал мне сегодня текст и сигнальную книгу, разработанную для сношений Англии и Франции, и просил по возможности скорее доставить их в Петербург. Ввиду того, что следующий курьер прибудет в Петербург лишь 20 июля, прошу разрешения привезти эти документы с тем, чтобы немедленно возвратиться в Лондон»⁵⁵.

Эта телеграмма является, пожалуй, самым важным документом для освещения последнего этапа переговоров. Она неоспоримо доказывает, что к двадцатым числам июля проект условного морского соглашения между Россией и Англией был готов. Русская сторона явно спешила завершить дело. Об этом свидетельствует как сама просьба Сазонова, так и то, что Волков, вопреки принятому порядку, использовал в данном случае наиболее быстрое телеграфное сообщение. Английская сторона на сей раз также проявила оперативность. Развитие международного кризиса подстегивало оба государства.

В дальнейшем события складывались следующим образом. Волков получил разрешение лично доставить итоговые документы переговоров в Петербург и 25 июля должен был выехать. Но в последний момент он получил из Морского ведомства приказ задержаться в Лондоне⁵⁶.

Очевидно, Морское ведомство сочло невозможным в решающие дни июльского кризиса обходиться без своего наблюдателя в Англии. Отправил ли Волков переданные ему документы с фельдъегерем, отбывшим 26 июля, или же, считая их слишком значительными, а свою задержку временной, оставил их у себя — не известно. Отметим лишь, что в соответствующих центральных архивах нашей страны проекта условного соглашения и сигнальной книги обнаружить не удалось. Эти документы определено имеются в фондах английского Адмиралтейства и ожидают своего опубликования.

Независимо от того, был ли проект условного соглашения послан в Россию или нет, очевидно, что он не мог получить утверждения до начала войны. Ведь приезд

⁵⁴ «British Documents...», v. X, p. II, № 559.

⁵⁵ ЦГАВМФ, ф. 418, оп. 1, д. 24728, л. 4.

⁵⁶ МО, с. III, т. V, № 91.

Баттенбергского в Петербург для подписания конвенции предполагался между 23 и 30 августа⁵⁷. Не могло произойти и обмена письмами между Греем и Сазоновым по типу соглашения Грея — Камбона: такой обмен должен был базироваться на договоренности морских ведомств. Россия и Англия вступили в войну, не будучи связанными друг с другом какими-либо письменными обязательствами общеполитического и военного характера.

Сказанное не означает, что русско-английские переговоры не имели никакого практического значения. Готовность обоих партнеров заключить морское и политическое соглашения служила для каждого из них подтверждением, что другая сторона намерена действовать заодно в развертывавшемся конфликте. Переговоры оказали известное влияние также на англо-германские отношения, хотя Англии все же удалось создать у германского правительства иллюзию, что она, быть может, не сразу вступит в войну.

Гораздо меньшим было значение переговоров со специально военной точки зрения. Вероятно, практически они свелись лишь к обмену сведениями о планах действий флотов обеих держав и о намерениях противника. Это не значит, что в проекте соглашения не могла быть зафиксирована роль английского и русского флотов в будущей войне. Но, по-видимому, она была определена таким образом, что не предусматривала реального взаимодействия двух флотов.

Померанский план русской стороны, предполагавший появление английского флота на Балтике, был, несомненно, отвергнут партнером⁵⁸.

Средиземноморские проекты царского Морского ведомства могли лишь насторожить Англию и еще раз обратить ее внимание на задачу помешать России овладеть проливами. Независимо от отношения английской стороны к этим проектам, в 1914 г. они не могли быть осуществлены. При таких условиях включенные, вероятно, в проект соглашения — право обеих сторон пользоваться портами друг друга (по образцу англо-французских конвенций) и установление общей сигнальной системы — не представляли особой ценности.

Словом, предвоенные переговоры морских ведомств России и Англии не создали, как нам кажется, базы, на которой могло бы развернуться эффективное сотрудничество флотов двух держав в войне. Это подтверждается ходом боевых действий и тем фактом, что с началом их проект конвенции был забыт. Брешь в подготовке членов Антанты к совместной войне на море осталась незаполненной.

Интересен и другой факт. 19(6) августа 1914 г., когда на Западном фронте сложилось тяжелое для Франции и Англии положение, Черчилль, тогда морской министр, обратился к Сухопутному и Морскому генштабам России. Он предлагал осуществить силами английского флота и русской армии десантную операцию в Германии в обход укрепленных линий Вислы или даже Одера. Английская сторона бралась установить господство морских сил Антанты на Балтике и доставить все необходимые транспорты⁵⁹. Как видим, Черчилль выдвигал проект, очень близкий к тому, который русская сторона предлагала в ходе предвоенных переговоров включить в морское соглашение. Но теперь, когда началось наступление русских армий, менять планы было трудно. Обращение Черчилля с проектом десанта являлось признанием английской стороной своей недалекости в предвоенных переговорах.

* * *

Русско-английские морские и политические переговоры протекали в напряженной обстановке последних предвоенных месяцев. Германский милитаризм, ранее соперников завершивший подготовку к войне, взял курс на развязывание конфликта в ближайшее

⁵⁷ ЦГАВМФ, ф. 418, оп. 1, д. 24728, л. 1.

⁵⁸ Об отрицательном отношении руководителей английской политики к идее посылки флота в Балтийское море знал Бенкендорф, с самого начала скептически отнесшийся к возможности осуществления Померанского варианта (см. МО, с. III, т. III, № 138). Планы английского адмиралтейства вообще не предусматривали активных действий против большого германского флота. Они базировались на принципе «watching from a distance» (наблюдение на расстоянии). См. об этом J. S. Corbett. Naval Operations, v. I, N. Y., 1920, p. 3; X. Вильсон. Морские операции в мировой войне 1914—1918 гг., М., 1935, стр. 23, (пер. с англ.).

⁵⁹ МО, с. III, т. VI, ч. I, № 133.

время. Страны Антанты со своей стороны готовились к схватке. Важным шагом в этом направлении должно было стать укрепление самого слабого — англо-русского — звена группировки.

Англия стремилась побудить царизм, проявлявший колебания перед лицом угрозы войны, занять решительную позицию в случае конфликта. Царское правительство, которое в страхе перед революцией и под влиянием партнеров все более склонялось к крайне авантюристическому курсу, хотело быть уверенным в полной и своевременной английской поддержке.

Англия, как более сильная сторона в переговорах, добилась того, что укрепление связей решено было осуществить в наиболее удобной для нее форме секретных условий военно-политических соглашений.

Если в Англии не придавали серьезного значения сотрудничеству с русским флотом в войне, то для России, кроме политической стороны дела, важно было получить от Англии обязательство оттянуть на себя главные силы германского флота на севере и создать превосходство над австро-итальянскими морскими силами на юге. По завершении большой программы усиления флота это открывало для России возможность попытаться захватить Черноморские проливы ударом с двух сторон.

Дипломатия державы колониального империализма, используя положение менее заинтересованной в новых соглашениях стороны, энергично добивалась от царизма уступок империалистических позиций в Персии и Китае. Беззастенчивая торговля двух «великих» хищников за счет интересов зависимых стран шла на всем протяжении переговоров, замедляя их ход.

К двадцатым числам июля переговоры Баттенбергского — Волкова завершились разработкой проекта условной морской конвенции, который не был утвержден из-за начавшейся войны; не было также заключено и консультативное соглашение.

Русско-английские переговоры сыграли свою роль в подготовке мировой войны: они позволяли участникам с большей уверенностью рассчитывать на поддержку друг друга в надвигавшемся столкновении. Но в плане согласования военных усилий значение переговоров было ничтожным. Основная вина за это ложится на английских государственных деятелей.

